

КАК ПОГИБ КАНГ

1

Канг ждал, зарывшись всем своим огромным телом в мягкий ил и выставив наружу только глаза — круглые черные шишки, похожие на безобидные обломки базальта, в изобилии разбросанные по всему дну подводной пропасти. Кругом царил непроглядный мрак, вечный мрак пятикилометровой глубины, озаряемый только слабым мерцанием ила да редкими цветными искорками светящихся рыб. Но глазам Канга не нужно было много света — он отлично видел все, что ему требовалось видеть. Теперь объектом его внимания была темная расщелина под скалой напротив, узкая горизонтальная щель под нависшей каменной глыбой. Канг ждал, он был терпелив. Глупые креветки, копошившиеся тут же в толще ила, отыскивая и пожирая крошечных рачков, вскарабкивались на его глаза, шевелили усиками и, высмотрев добычу, стремглав бросались за ней. Канг терпел, вернее, не замечал прыгунов: он ждал.

И вот во мраке под скалой он заметил какое-то волнообразное движение. Что-то шевелилось там, тонкое, длинное. Выползло, извиваясь, сокращаясь и вытягиваясь, за ним другое такое же, третье, четвертое — длинные белесые щупальцы, усеянные бородавчатыми на-

ростами. Щупальцы проворно шарили в светящейся пыли, вот одно из них коснулось неосторожной креветки и словно прилипло к ней. Креветка рванулась, стала отчаянно биться, выгибая коленчатое брюшко, но щупальце быстро убралось обратно в пещеру и снова выскользнуло, жадно ищущее, как и раньше. Все это хорошо видели неподвижные зоркие глаза Канга. Он ждал. Его враг не торопился. Четыре креветки и большой краб на тонких длинных ногах были схвачены цепкими щупальцами прежде, чем, заполняя всю расщелину, из глубины пещеры появился безобразно раздутый грязно-серый пузырь, весь в пятнах и наростах, и в середине его открылись внимательные выпуклые глаза. Спрут выбрался из своего логова и медленно двинулся вокруг скалы, приподняв над дном мешкообразное тело.

Ждать больше было нечего. Мускулы Канга напряглись, он слегка подался назад и прыгнул. В тот же миг спрут метнулся в сторону, но было уже поздно. Страшные челюсти сомкнулись позади его глаз, впились в вязкую ткань пухлого мешка, мгновенно принявшего светло-розовый оттенок. Головоногое судорожно задергало щупальцами, стараясь ухватиться за скалу и вырваться. Черная мускусная слизь смешалась со светящейся мутью взбаламученного ила и тяжелым облаком повисла над схватившимися гигантами. Отчаянным усилием спруту удалось освободиться, оставив в зубах Канга порядочный кусок своего мяса. Он сейчас же охватил щупальцами голову противника. Канг не мог разжать челюстей — упругие скользкие кольца с невероятной силой сжимали его, клюв спрута царапал костяные покрывки на его затылке. Но Канг отлично знал, что рыхлое чудовище бессильно причинить какой-либо вред его закованному в роговой панцирь телу. Он медленно опустился на дно и снова попытался разжать челюсти, и сейчас же почувствовал, что кольца вокруг них сжи-

маются еще плотнее. Медленно оседал ил, расплылось мускусное облако. Сцепившиеся гиганты оставались неподвижны, ничто внешне не выдавало огромного напряжения их сил. Что сильнее — смертельная хватка спрута или могучие челюстные мускулы Канга? Канг оказался сильнее: дюйм за дюймом, растягивая всосавшиеся в чешую щупальцы, открывалась пасть, усеянная длинными острыми зубами. И вдруг напряжение сразу ослабло — два кольца, сжимавшие голову Канга у самых глаз, не выдержали и лопнули. Упругая ткань их расплзлась, присоски соскользнули, и Канг одним движением челюстей — справа налево — перекусил остальные кольца. Искалеченное головоногое, выпустив остатки черной слизи, пыталось спрятаться где-нибудь на дне, зарыться в ил между камнями. Но во мраке подводной бездны это последнее средство было почти бесполезно — Канг снова схватил спрута. Схватка между разъяренным победителем и полуживым побежденным была коротка. Два раза раскрылись и щелкнули челюсти Канга, и мягкое тело моллюска распалось на три трепещущих куса. Снова осела светящаяся пыль, зашевелились забившиеся от ужаса под камни креветки и рачки и стали потихоньку собираться вокруг Канга, чуя легкую поживу. Гигант торопливо рвал и глотал еще извивающиеся обрывки щупалец и рыхлое белое мясо. Скоро от побежденного остались только лохмотья и волокна, и сытый Канг выплыл из ила, уступая окружившей его мелюзге остатки пиршества.

2

В жизни Канга — а день его рождения был так далек, что, умея он думать, он считал бы себя вечным — несколько раз наступали периоды, когда им овладевало

смутное беспокойство, заставлявшее его бросать насиженное место и пускаться в далекие бесцельные путешествия. Он мчался тогда с огромной скоростью, извиваясь всем телом, огибая встречающиеся на пути скалистые пики, переплывая горные хребты, спускаясь в пропасти, встречаясь с разного рода препятствиями и опасностями. В его темном мозгу время от времени возникали неясные воспоминания: обширная каменистая равнина, усеянная горами огромных костей; странное бесформенное животное, поражающее издали, — столкновение с ним едва не стоило Кангу жизни; узкое извилистое ущелье, вода в котором была почти горячей и имела неприятный запах — дышать в ущелье было очень трудно, но, миновав его, гигант почувствовал себя необыкновенно бодрым и сильным; скопища крабов, гнездившихся в пещерах; необозримые косяки осьминогов, переселявшихся из одной подводной долины в другую... Много видел, во многих местах побывал Канг, иногда останавливался надолго и снова пускался в путь и покрывал огромные расстояния, гонимый непонятным стремлением. И теперь, переваривая спрута, он почувствовал в себе такое стремление, но на этот раз оно толкало его не в горизонтальном, а в вертикальном направлении. И Канг, слегка изогнувшись, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее стал подниматься вверх. Слабое свечение дна погасло. Кругом воцарилась полная темнота. Впрочем, нет, не совсем полная. Вот неторопливо проплыло сияющее нежным фиолетовым светом круглое существо — широкое брюхо, зубастая пасть и наверху — маленький дрожащий хвостик. Промчалась стайка красных огоньков, где-то вспыхнуло облачко белого света и медленно растворилось во мраке. Канг поднимался быстро, мерно и сильно работая лапами и хвостом. Вода становилась прохладнее, цветные огоньки все чаще попадались на пути. Раз Канг заметил в глубине

несколько больших неопределенных теней, поднимавшихся вслед за ним, — тогда гигант перевернулся вниз головой и устремился на них, они шарахнулись в разные стороны и исчезли.

Канг чувствовал себя не очень хорошо — началась отрыжка, словно что-то выдавливалось из внутренностей содержимое, стучало в голове, перед глазамиплыли кровавые пятна. Потом появилась ноющая боль во всем теле, усилилась, стала почти нестерпимой (Канг бешено забил хвостом) и вдруг прекратилась, осталось только тупое раздражающее ощущение, будто мускулы и кости растягивают изнутри шкуру и вот-вот вывалятся наружу. Но по-прежнему легко и быстро поднимался Канг, и цветные огоньки крутились в мощных водоворотах за его телом.

Вокруг не было уже прежней чернильной темноты, слабые невидимые лучи пронизывали ее, придавая ей тончайший синеватый оттенок. Становилось все светлее. Стая белобрюхих косаток налетела на Канга, принимая его, вероятно, за кита необычайного размера и формы. Канг даже не замедлил движения, только на мгновение повернул голову, и самая смелая из хищниц, разорванная пополам, закувыркалась в водовороте. Остальные отстали и набросились на погибшую товарку.

Вода быстро теплела и принимала прозрачно-зеленую окраску. И вот Канг со всего разгона в столбе брызг и пены вылетел на поверхность и со страшным плеском бухнулся обратно, закачался на волнах оглушенный, ослепленный, недоумевающий.

3

Командир эсминца «Свифт» получил с гидроплана донесение: «Субмарина в двух милях к юго-востоку». Пробили боевую тревогу. Длинный серо-голубой краса-

вещь развернулся и полным ходом пошел на юго-восток. В стереотрубу было отчетливо видно, как уходит в волны тонкий столбик перископа — на подводной лодке, по-видимому, поняли, что их заметили, и она спешила принять более выгодное для боя положение.

В эту минуту пришло новое донесение: «Еще одна субмарина в одной миле по курсу».

— Черт побери! — вырвалось у капитана.

— Странно, — медленно произнес помощник, наблюдавший в стереотрубу.

— Ничего странного, в этих местах их может быть очень много.

— Я не о том, сэр, — ответил помощник. — Это не субмарина. Не угодно ли взглянуть?

Он уступил место капитану, и тот нагнулся к очкам. В поле зрения, немного ближе того места, где скрылась первая подлодка, виден был длинный неровный бугор черного цвета, словно скалистая вершина подводной горы внезапно выдвинулась на поверхность океана.

— Да, это не субмарина, — сказал капитан.

— Вероятно, это кит, сэр, — заметил помощник.

Капитан помолчал, подсчитывая, сколько делений занимает странный объект на шкале в поле зрения.

— Мне никогда не приходилось слышать о китах в сорок с лишним метров длиной... и с такими зубьями на спине.

— Сорок с лишним метров, сэр? Вот это чудовище!

— Оно движется!

Длинный зубчатый бугор действительно стал поворачиваться, двинулся в сторону «Свифта» и вдруг исчез под волнами, выбросив в воздух столб белой пены.

— Приготовить глубинные бомбы, —скомандовал капитан. Позже он признался, что охота на невиданное

морское чудище интересовала его в тот момент больше, чем потопление вражеской субмарины. В то же время с гидроплана, видевшего все, что происходит в глубине, поступали все новые и новые донесения. Первая подлодка погрузилась метров на двадцать пять и, вероятно, готовилась к торпедной атаке — голубоватый силуэт, едва различимый на сине-зеленом фоне воды. Вдруг вторая подлодка — нет, не подлодка, а черт знает что — огромное, черное, тоже нырнуло и, извиваясь, бросилось в глубину, оставляя за собой пузырчатый след. Ах, какая досада, облако заслонило солнце, ничего нельзя различить.

Капитан сорвал наушники.

— На гидрофоне, что слышно? — крикнул он.

— Шум винтов, сэр... Только странно, они не двигаются... и еще звук такой, будто пилят железо.

— «Он» мешает им, — пробормотал капитан и командовал: — Глубинные бомбы!

Три водяных столба вздулись за кормой. Прошло несколько минут.

— Ага, — крикнул гидрофонист. — Они всплывают!

— Взгляните сюда, сэр, — вполголоса заметил помощник, указывая на что-то за правым бортом. Там, в прозрачных бутылочно-зеленых волнах расплывались жирные темно-красные пятна.

— Мы ранили «его», — сказал капитан.

Помощник молча кивнул головой.

Между тем метрах в двухстах от левого борта забурлила вода, забили фонтаны пены — это поднималась субмарина. У всех, находившихся на палубе эсминца, вырвался крик изумления. Рубка субмарины была помята, как консервная банка, на которую наступили сапогом, труба перископа скручена узлом, поручни на рубке сорваны и выгнуты невероятной силой, носовая пушка едва держалась — висела на каких-то обрывках.

— Неужели мы так точно попали в нее? — пробормотал помощник, поднимая бинокль. — Не может быть!

Да, что-то загадочное произошло там, под ласковыми голубыми волнами.

— Сейчас мы все узнаем, — отозвался капитан.

Из люка искалеченной рубки выбиралась команда подлодки: осматривали разрушения, что-то кричали, отчаянно жестикулируя. Капитан приказал послать туда шлюпки.

И тут произошло нечто ужасное. Едва отошла первая шлюпка с десятью вооруженными матросами, вода между эсминцем и субмариной раздалась, и чудовищная голова величиной с легковой автомобиль появилась над поверхностью. Все оцепенели от ужаса. Она была отвратительна, эта голова, плоская, продолговатая, как у крокодила, покрытая роговыми чешуйками, с торчащими по сторонам телескопическими глазами, яростными, ненавидящими, налитыми кровью. Раскрылась страшная пасть с частоколом огромных конических зубов... Матросы в шлюпке, вероятно, так и не успели сообразить, в чем дело. Пасть захлопнулась и снова раскрылась, выплевывая расщепленные доски и клочья мяса.

Тогда капитан бросился к скорострелке, оттолкнул застывшего канонира и раз за разом вбил в чудовищную глотку пять снарядов.

Канг медленно проваливался в глубину, изуродованный, с оторванной челюстью, с широкой рваной раной в животе, но еще живой. Мутные кровавые струи клубились над ним. Теперь он желал одного — добраться до родного мягкого ила, зарыться в него и умереть.

ЧЕТВЕРТОЕ ЦАРСТВО *(На грани возможного)*

Глава первая **СВИНЦОВЫЙ ЦИЛИНДР**

Самолет лег на крыло и пошел вниз. Облака расступились, и стал виден остров — громадное пестрое ржаво-серое пятно на синей поверхности океана, окаймленное белым кружевом прибоя.

— Кажется, приехали наконец, — с облегчением сказал майор Соколов. — Слава богу, все кишки вымотала болтанка проклятая.

Капитан Олешко, согнув в дугу длинное неуклюжее туловище, приник лбом к холодному стеклу окна. Под самолетом быстро проносились крутые скалы и сопки, покрытые кое-где пятнами потемневшего от пыли снега, мрачные ущелья, безжизненные каменистые долины, тускло-зеленые участки зарослей курильской березы. Промелькнули разбросанные крыши поселка, несколько лодок у берега, потянулись и исчезли пунктирные линии старых японских траншей. Рев моторов вдруг стих. Олешко сморщился и затряс головой: заложило уши. Соколов засмеялся, показав знаками, что тоже ничего не слышит. В этот момент самолет мягко ударился ко-

лесами, подпрыгнул, снова ударился и, покачиваясь и слегка подсакивая, покатился по земле. Из пилотской кабины вышел полковник Крюков, сказал что-то. Олешко с трудом проглотил слюну, и сразу словно пробки вынули из ушей.

— Я спрашиваю, как самочувствие, — крикнул Крюков.

— Отлично, товарищ полковник, — ответил Олешко. — Оглох вот немного, но уже прошло.

Самолет развернулся, остановился, в последний раз неистово взревел моторами и смолк.

— Пошли, — сказал Крюков.

Один из летчиков побежал вперед раскрыть дверь и выкинуть лестницу. Офицеры взяли плащи и чемоданы и, разминая затекшие от трехчасового сидения ноги, двинулись к выходу. Внизу их встретил молодой сухощавый капитан-пограничник. Пока он рапортовал Крюкову о благополучии на вверенной ему, капитану, заставе, Олешко с любопытством огляделся. Они приземлились на старой взлетно-посадочной полосе, проложенной когда-то японцами между двумя невысокими холмиками. Бетон полосы потрескался и местами выкрошился, из трещин выбивались веселые травинки. На одном из холмов располагался домик со сложным антенным устройством на крыше. В стороне стоял облезлый, непривычно маленький самолет, по-видимому, японский.

— Познакомьтесь, товарищи, и поехали, — сказал полковник.

— Капитан Нелюдин, — отрекомендовался начальник заставы.

Соколов и Олешко назвали себя и пожали ему руку. Окутываясь тучами сизого дыма, подкатил потрепанный газик. Шофер, красивый плечистый сержант, выскочил и взялся было за чемоданы, но Нелюдин остановил его.

— Все всё равно не поместимся, — сказал он. — Оставайтесь с вещами, я пришлю за вами машину с Баявым.

— Далеко до заставы? — осведомился Соколов, залезая на заднее сидение.

— Минут двадцать езды. Дорога очень скверная, а то бы за десять минут доехали.

Нелюдин не преувеличивал, дорога действительно была на редкость плохая. Газик, отчаянно дребезжа и фыркая, переползал с ухаба на ухаб. Когда аэродром скрылся за сопками и вокруг открылось изрытое поле, Крюков спросил:

— Как ваш задержанный?

— Умер, — виноватым голосом ответил капитан, напряженно вертя баранку.

Полковник даже подскочил от неожиданности. Олешко и Соколов переглянулись.

— Как умер? Когда?

— Сегодня утром, часа четыре назад.

— Так. — Полковник помолчал, раскачиваясь в такт тряске. — Зря, выходит, я сюда следователя с переводчиком тащил...

— Товарищ полковник, видели бы вы, в каком он был состоянии, когда мы его...

— У вас есть фельдшер, на худой конец врача из поселка могли пригласить.

— Врач и фельдшер всю ночь над ним колдовали. Так и не поняли, что с ним. Ранен в левую ногу, похоже — из пистолета, но ведь от этого не умирают.

— Выяснили, откуда он взялся?

— Выяснил. Выполз из тоннеля в сопке, где его нашли. Совсем рядом с заставой.

— Из какого тоннеля?

— Вроде шахты в скале, японцы вырыли. Здесь все такими шахтами изрыто. Целый подземный город. Ходы, переходы, колодцы... Лабиринт, одним словом.

Дорога пошла косогором, и машина сильно накренилась. Все невольно склонились в противоположную сторону, хватаясь друг за друга. Только Нелюдин продолжал править как ни в чем не бывало, видимо, простодушно радуясь, что начальство не очень сердито на него за смерть задержанного.

— Вот мы едем, а под нами, может быть, залы, склады, помещения разные, — говорил он.

— Может быть? Разве вы сами там не бывали? — спросил Соколов.

Нелюдин рассмеялся.

— Думаете, туда так просто попасть? Во-первых, мы, собственно, так и не знаем входы в это подземное царство. Замаскированы они замечательно. Вот, например, тот, у которого задержанного взяли. Сто раз мы там проходили и не заметили ничего. Только по следам и отыскали. Со стороны поглядеть — просто расщелина в скале... Во-вторых, многие входы японцы перед капитуляцией взорвали, обрушили. Чтобы пробраться в них, нужно их расчистить, раскопать завалы, да того и гляди в какую-нибудь ловушку попадешь...

— Что за ловушки? — с любопытством спросил Олешко.

Машина спустилась с сопки и покатила по более или менее сноному проселку. Впереди открылся вид на океан, показалась тесная кучка небольших строений.

— Есть у меня командир отделения сержант Новиков, бывший шахтер, — сказал Нелюдин. — Я поручил ему обследовать все известные тоннели и искать новые. Любопытно, да и для дела, безусловно, полезно. Он из-

лазил все, что только можно, иногда по два дня проводил под землей. Раз в прошлом году, в мае, полез он со своим другом и напарником Костенкой в пещеру, что под Танковой сопкой. Это утес такой на западном берегу. Зашли они далеко, осматриваются. Новиков что-то замешкался. Костенко вперед пошел, светит фонариком, смотрит — дальше вода. Он думал, что лужа, ну и шагнул. И сразу с головой, только пузыри пошли. Там оказался не то колодец, не то штольня. Насилу Новиков его вытащил.

— А сам ты туда ходил? — спросил Крюков.

— В Танковую — нет. А вообще — ходил, конечно. Во многих тоннелях побывал. Жутко там, мрак, тишина, только вода с потолка капает. Идешь, идешь, словно в преисподнюю. Надо сказать, почти все шахты, входы в которые известны, оканчиваются тупиком. Либо завалом, либо колодцем с водой. Дальше не пройдешь.

— Думаешь, и этот новый тоннель тоже такой? — словно случайно обронил Крюков.

Нелюдин скосил на него глаза.

— Нет, этого я не думаю, — проговорил он. — Да вы не беспокойтесь, товарищ полковник, я возле него пост выставил.

— И не думаю беспокоиться. — Крюков зевнул, явно притворно, затем спросил: — А почему ты считаешь, что там целый город, склады и прочее?

— А как же? Вот, например, там, — Нелюдин ткнул пальцем в сторону гряды мрачных серо-желтых скал километрах в пяти от дороги, — торчит из-под земли обрывок толстого многожильного кабеля. Что за кабель? Куда он ведет? Где начинается? Да что далеко ходить... Два года назад было сильное землетрясение. Помните, наверное? Волна метров в пятнадцать высотой ударила в восточный берег, залила все низины. На другой день

смотрим — валяются на берегу тюки с японским обмундированием. Откуда их вынесло? Ясно, под землей что-то есть.

Газик подкатил к группе одноэтажных домиков, окруженных оградой, и остановился у самого большого из них. Часовой у крыльца поприветствовал по-ефрейторски. Подбежал, придерживая кобуру, дежурный с рапортом.

— Веди к себе, — сказал полковник, вылезая из машины.

— Слушаюсь, товарищ полковник, — отозвался Нелюдин и торопливо приказал дежурному: — Найдите Баева, пусть съездит на аэродром за сержантом. Он там с вещами остался. Да напомни повару насчет обеда.

Кабинет начальника заставы оказался крохотной комнаткой с подслеповатым оконцем. Посередине стоял канцелярский стол, в углу этажерка с книгами и газетами, слева от стола на полу — железный ящик. Полковник уселся за стол, Соколов и Олешко — на принесенных дневальным табуретах, хозяин кабинета за недостатком места примостился на подоконнике.

— Карту, — приказал полковник.

Нелюдин нагнулся над железным ящиком, порылся в нем и развернул на столе стотысячную карту Кунашу.

— Покрупнее масштабом нет?

— Никак нет, товарищ полковник. — Нелюдин сокрушенно вздохнул. — Сколько раз комендатуру запрашивал — не присылают.

Крюков пробормотал что-то нелестное по адресу бюрократов на погранслужбе и вынул портсигар:

— Курите.

— Благодарю, товарищ полковник, бросил. Леденцы теперь сосу.

— Твое дело. Показывай, где входы в тоннели.

— Вот, товарищ полковник, красными кружочками отмечены. А вот этот — новый.

— Так это совсем рядом?

— Так точно. Километрах в трех отсюда. За речкой.

— Пост там поставил, говоришь?

— Поставил. Два человека.

— Значит, понимаешь?

Нелюдин спокойно ответил, слегка отстраняясь от клубов табачного дыма:

— Дело загадочное, товарищ полковник. Рисковать нам никак нельзя.

Крюков кивнул.

— Дело загадочное, что и говорить. Давайте разгадывать. Что нам известно? Вчера в полдень из-под земли, в двух шагах от заставы, выполз неизвестный. Он не пытался скрываться. Наоборот, он выл во весь голос, словно от страшной боли, и что-то выкрикивал на иностранном языке. У него была прострелена нога, он был слеп. Несмотря на все усилия местных светил медицины, он умер сегодня утром, поставив нас, пограничников, в весьма глупое положение. Так?

Все дипломатично промолчали.

— Ну-ка, покажи, что нашли у этого... покойника.

Нелюдин снова наклонился над ящиком.

— Так, ясно. Г-образный фонарь, «мэйд ин Ю Эс Эй», батарейка уже при последнем издыхании. Капитан, на сколько рассчитана такая батарейка?

— Часов на пятьдесят, по-моему.

— И по-моему тоже. Значит...

— Нарушитель пробыл под землей не менее двух суток.

— Правильно. Финский нож, ну, это обыкновенно. Пистолета у него не было?

— Никак нет.